

A vintage tractor is parked in a snowy field at night. The tractor is illuminated by a warm, golden light from a glowing orb on the ground. In the background, there are snow-covered buildings and a dark forest. A bright star is visible in the dark sky, casting a beam of light. The overall scene is surreal and atmospheric.

Три дня на Земле

Морок В. Е

Морок В.Е

Три дня на Земля

«Автор»

2026

Морок В.Е

Три дня на Земля / Морок В.Е — «Автор», 2026

Он упал на картофельное поле за гаражным кооперативом — без фанфар, без луча прожектора, без хора ангелов. Просто оказался среди ботвы и алюминиевых банок: существо с двумя руками, двумя ногами и полным непониманием того, как устроен этот мир. Он ищет маленький круглый предмет — ключ домой. Без него он не вернётся. Вера Соколова, уставшая журналистка, три года не находившая ни одной настоящей истории, случайно останавливается у автобусной остановки и задаёт незнакомцу простой вопрос: «Замёрзли?» Так начинается история о том, как человек, не умеющий врать, проходит через мир, где все давно договорились называть ложь правдой. Он задаёт неудобные вопросы. Про деньги, которые ценятся только потому, что все согласились их ценить. Про веру, которую продают за четыре тысячи рублей. Про людей в белых пиджаках, которые нашли способ брать больше — за куда более убедительную историю. Это тёплая, ироничная и честная книга о том, что случается, когда рядом появляется кто-то, кто не умеет лгать.

© Морок В.Е, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава первая. Посадка	7
Глава вторая. Автобусная остановка	10
Глава третья. Язык без перевода	13
Глава четвёртая. Деньги, которых нет	16
Глава пятая. Вопрос о имени	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Морок В.Е

Три дня на Земля

Введение

Эта книга начинается с вопроса, который задаёт себе почти каждый, кто хоть раз смотрел на звёзды сквозь дым от шашлыка на дачном участке: а что, если там, наверху, кто-то есть — и этот кто-то, оказавшись здесь, у нас, не поймёт ни единого слова из того, что мы считаем само собой разумеющимся?

Мы живём внутри огромного количества договорённостей, о которых давно забыли, что это договорённости. Нам кажется естественным кланяться одним символам и смеяться над другими, доверять людям в определённой одежде и не доверять людям в другой, верить одним книгам безоговорочно и считать другие — опасной ересью. Мы настолько привыкли к этим правилам, что перестали их замечать — как рыба не замечает воду.

Чтобы увидеть воду, нужен кто-то, кто в неё не родился.

Герой этой книги — не ангел и не демон, не посланник высших сил и не сумасшедший с улицы, хотя его будут называть и тем, и другим, и третьим в зависимости от того, кому в данный момент выгодно то или иное определение. Он — чужак в самом буквальном смысле: существо, для которого ни одна из наших иерархий, ритуалов и символов веры не была установлена заранее. Он смотрит на мир так, как смотрел бы очень умный ребёнок, если бы вдруг родился сразу взрослым, без детства, в течение которого ему объяснили бы, что положено бояться, кого положено слушать и во что положено верить без доказательств.

Его наивность — не слабость. Это самый острый инструмент, который только можно вручить рассказчику: взгляд, не замутнённый привычкой.

Рядом с ним — молодая женщина, которая зарабатывает на жизнь тем, что ищет чужие тайны и продаёт их как сенсации, и которая сама не замечает, как долго уже не задавала себе вопросов, которые задаёт себе каждый день. Их встреча — это не история спасителя и спасённого. Это история двух видов слепоты, которые, столкнувшись, начинают немного видеть.

А ещё в этой истории есть человек, который понял нечто важное раньше остальных: что вера — самый дорогой товар на свете, потому что за неё платят не деньгами, а чем-то, что гораздо труднее вернуть. Он не злодей из комикса. Он — зеркало, в которое не хочется смотреть, потому что в нём угадываются черты, слишком похожие на наши собственные.

Эта книга не о том, что религия — обман, и не о том, что вера — глупость. Она о разнице между верой и доверчивостью, между ритуалом и смыслом, между тем, что нам нужно, чтобы жить, и тем, чем нас убеждают это заменить.

Чужак в этой истории ищет маленький круглый предмет — ключ домой. Но по дороге он, сам того не желая, находит кое-что ещё: ответ на вопрос, который не задавал — что остаётся от человека, когда снимаешь с него все условности, которые он принимал за свою сущность.

Возможно, то же самое ищет каждый из нас, просто редко признаётся себе в этом вслух.

Дальше — его история. Она начинается на картофельном поле, в холодную ночь, без фанфар и без ответов. Как, впрочем, начинается почти всё по-настоящему важное.

Глава первая. Посадка

Если бы кто-то из жителей Среднегорска в ту ночь поднял голову к небу, он увидел бы не падающую звезду, а что-то куда более занудное — вспышку света над картофельным полем за гаражным кооперативом «Прогресс-7», сопровождаемую звуком, похожим на вздох очень большого и очень усталого холодильника.

Но никто не поднял голову. Головы были заняты более важными делами: кто-то смотрел футбол, кто-то — ток-шоу про внезапно разбогатевших родственников, кто-то спорил с соседом из-за забора на три сантиметра левее положенного. Вселенная, как выяснилось позже, умеет выбирать для своих визитов самые неподходящие моменты.

Он появился именно так — без фанфар, без луча прожектора, без хора ангелов, которых, как позже окажется, здесь любят упоминать очень часто, хотя никто их никогда не видел. Просто на мёрзлой земле, среди ботвы и алюминиевых банок, лежало существо, у которого было два глаза, две руки, две ноги — ровно столько, сколько требовалось, чтобы местные жители сочли его человеком, и ни на грамм больше для того, чтобы он сам считал себя им.

Он сел. Огляделся. Небо над головой было тёмным и каким-то неубедительным — ни одной знакомой звезды. Это первое, что он отметил: здесь другое небо. Второе — что всё его тело болит так, будто его пропустили через стиральную машину соседней галактики. Третье — и это оказалось самым важным — что маленький предмет, висевший у него на шее на тонком шнурке всю дорогу через вакуум и три пересадки в иных измерениях, предмет, без которого обратного пути домой не существовало, — исчез.

Шнурок был на месте. Петля — цела. А кулон, тёплый, живой, гудящий едва слышно, как сердце в кулаке, — пропал.

Он не умел паниковать так, как умеют люди — с криком, слезами и обвинением соседей. Паника на его родине выглядела иначе: тишина, в которой мысль просто перестаёт двигаться вперёд и начинает ходить по кругу. Именно это и произошло. Он сидел в картофельной грязи и думал одну и ту же мысль по спирали: без этого я не вернусь. Без этого я не вернусь. Без этого...

— Э, ты живой? — раздался голос.

Голос принадлежал мужчине неопределённого возраста в телогрейке, который как раз возвращался домой коротким путём через поле — путём, известным исключительно тем, кто предпочитает, чтобы жена не видела, в каком часу и в каком состоянии он идёт домой.

Чужак поднял голову. Поглядел на мужчину тем взглядом, которым смотрят новорождённые — не потому, что он был умственно слаб, а потому, что буквально ничего из того, что он видел, не имело для него заранее заданного смысла. Телогрейка. Два глаза. Запах, который он позже научится называть «перегар», но пока воспринимал просто как химический сигнал тревоги.

— У меня пропал предмет, — сказал он. Голос вышел равным, спокойным, слегка металлическим — будто говорящий ещё не до конца освоил местную акустику собственного горла. — Маленький. Круглый. Без него я не могу вернуться туда, откуда я прибыл.

Мужчина присел на корточки, разглядывая его с профессиональным интересом знатока странных жизненных ситуаций.

— Откуда прибыл-то?

Чужак на секунду задумался, подбирая слово, которое прозвучало бы правдиво, но не вызвало бы в собеседнике того особого выражения лица, которое он уже успел отметить у людей, идущих мимо, — выражения «этот человек не в себе».

— Издалека, — сказал он наконец. Это было честно и максимально нейтрально.

— Издалека, значит. — Мужчина покивал с видом человека, услышавшего ровно то, что ожидал услышать. — Ты не из этих, случайно? Из бомжей каких заезжих?

— Я не знаю, что это такое.

— Во-во. — Мужчина поднялся, отряхнул колени. — Шурупа у тебя явно не хватает, братец. Пойдём, что ли, доведу до освещённого места, а то замёрзнешь тут, философ.

«Шурупа не хватает». Эту фразу Чужак запомнил сразу и навсегда — не потому, что понял её смысл (он не понял), а потому, что она идеально, с пугающей точностью описывала его реальное физическое состояние: у него действительно не хватало маленькой круглой детали, без которой весь механизм его жизни перестал работать. Он не знал ещё, что это идиома. Он решил, что это диагноз.

— Да, — сказал он серьёзно. — У меня не хватает шурупа. Именно так.

Мужчина засмеялся — не зло, скорее с одобрением, как смеются над удачной шуткой приятеля, — и это тоже Чужак запомнил: смех как реакцию на правду, сказанную буквально.

Кулон между тем проделывал собственное путешествие.

Его нашёл — точнее, выковырял носком резинового сапога из грязи — четырнадцатилетний Денис Пряхин, который шёл этим же полем в поисках металлолома для сдачи на карманные деньги. Денис был мальчиком практичным и не склонным к мистике: предмет светился, был тёплый на ощупь и явно стоил денег, а значит, подлежал немедленной монетизации. Вопрос «откуда он здесь» занимал Дениса ровно столько секунд, сколько требовалось, чтобы положить находку в карман.

К утру кулон перекочевал в ломбард «Алмаз» на углу Советской и Трамвайной — через руки скупщика металла дяди Валеры, который за пятьсот рублей взял «какую-то цацку, может, бижутерия, а может, и не бижутерия» и тут же продал её по шестьсот тому самому ломбарду, не задавая вопросов, поскольку в его профессии вопросы — непозволительная роскошь.

В ломбарде кулон пролежал ровно сутки, прежде чем на него обратил внимание человек, который умел видеть ценность там, где другие видели просто странный блестящий кружочек. Человек этот носил белый пиджак даже зимой, представлялся «духовным наставником нового тысячелетия» и был известен в городе и области под именем Отец Светозар.

Но об этом — позже. Пока же Чужак, которого уже окрестили (с подачи того самого мужчины в телогрейке) «Шурупом», сидел на лавке возле автобусной остановки, рассматривал проезжающие машины с видом исследователя, впервые наблюдающего неизвестный вид фауны, и пытался понять главное: как в этом мире, где всё, судя по всему, кому-то принадлежит, найти то, что принадлежит ему.

Он ещё не знал, что это окажется самым сложным вопросом из всех, что ему предстоит задать.

Светало. Город просыпался медленно и неохотно, как человек, который знает, что день не принесёт ничего нового, но всё равно обязан встать. Мимо остановки прошла женщина с диктофоном в руке и выражением лица человека, который уже пятый год подряд ищет материал, способный наконец изменить её жизнь, но каждый раз находит только очередной репортаж про прорванную трубу.

Её звали Вера Соколова, и она понятия не имела, что через полчаса остановится, чтобы спросить странного человека на лавке, не замёрз ли он, — и что этот вопрос станет самым важным в её профессиональной карьере.

Но это уже следующая глава.

Глава вторая. Автобусная остановка

Вера Соколова шла этим маршрутом каждое утро уже три года, и за три года маршрут не подарил ей ничего интереснее фотографии кота, застрявшего в водосточной трубе (материал, впрочем, набрал неожиданно много просмотров, что до сих пор казалось ей личным оскорблением со стороны вселенной).

Она работала в издании, которое когда-то называлось «независимым», затем — «региональным», а теперь, после смены владельца, тихо превратилось в нечто среднее между сайтом объявлений и генератором заголовков с тремя восклицательными знаками. Вера держалась за старое название редакции, как держатся за фамилию бывшего мужа — не из любви, а потому что менять документы слишком хлопотно.

В сумке у неё лежал потрёпанный диктофон, блокнот с недописанным расследованием о городской теплосети (расследование спало уже два месяца, как спит совесть у человека, который давно перестал ждать от себя подвигов) и энергетический батончик, который заменял ей завтрак, обед и иногда ужин.

На остановке она увидела человека, сидящего неподвижно, с прямой спиной, как сидят на собеседовании люди, которые очень боятся произвести плохое впечатление, но не умеют вести себя иначе, кроме как с идеальной осанкой.

Нормальный журналистский инстинкт подсказывал: пройти мимо. Нормальных и странных людей на остановках хватало всегда, и далеко не каждый странный человек — находка.

Но что-то в том, как он смотрел на проезжающие машины — не раздражённо, не отстранённо, а с настоящим, почти учёным любопытством, будто видел автомобиль впервые в жизни, — заставило её остановиться.

— Замёрзли? — спросила она, скорее из вежливости, чем из интереса.

Он посмотрел на неё. Взгляд был прямой, без того лёгкого смещения в сторону, которое свойственно людям, оценивающим собеседника по одежке. Он смотрел так, будто она была первым человеком, которого он видит достаточно внимательно, чтобы задать вопрос.

— Я не знаю, — сказал он. — Как это определить?

Вера слегка улыбнулась — почти профессионально, почти машинально.

— Ну, обычно это чувствуется. Трясёт, зубы стучат.

Он задумался, словно проверяя себя на эти признаки.

— Трясёт — нет. Зубы — нет. Значит, не замёрз. Спасибо, что объяснили критерий.

Вот тут она впервые внимательно на него посмотрела — не как на потенциальный объект статьи, а просто как на человека. Одежда — странная, будто с чужого плеча в буквальном

смысле, не по размеру и не по погоде. Лицо — молодое, но с тем выражением, которое бывает у очень старых людей, переживающих непогоду на автобусной остановке с философским спокойствием, не ожидающих от жизни ничего нового.

— Вы ждёте автобус? — спросила она.

— Я жду, когда пойму, что мне делать дальше, — ответил он серьёзно, без тени иронии. — У меня пропал предмет. Маленький. Круглый. Без него я не смогу вернуться туда, откуда я прибыл.

«Так, — подумала Вера. — Либо псих, либо начинающий актёр, тренирующий роль. Либо третий вариант, которого пока нет в списке». Профессиональная выучка подсказывала задать уточняющий вопрос, который сразу поставит точку в разговоре.

— А откуда вы прибыли?

Он снова на мгновение замолчал — не потому что не знал ответа, а потому что уже успел понять: прямой ответ вызывает у людей странную реакцию лица, похожую на жалость, смешанную с опасением. Он решил рискнуть.

— Издалека. Я не местный. В смысле — не с этой планеты.

Вера хмыкнула — не насмешливо, а скорее с облегчением, что всё разъяснилось: перед ней городской сумасшедший, из тех, что иногда дают отличные цитаты для рубрики «Городские легенды», но никогда — для первой полосы.

— Понятно, — сказала она, уже отступая на шаг, скорее по привычке, чем из страха. — Ну, удачи с поиском предмета.

— Подождите, — сказал он. И в его голосе прозвучало что-то, что заставило её не уйти — не отчаяние, не мольба, а странная, почти детская прямота. — Вы работаете с информацией. Я видел надпись на вашей сумке.

Вера опустила взгляд. На потёртом ремне действительно висел бейдж с логотипом редакции — она забыла его снять после вчерашней съёмки.

— Вы ищете правду? — спросил он. — Профессионально?

— Я ищу то, что можно продать как правду, — ответила она честно, сама удивившись этой честности. Что-то в этом разговоре провоцировало на честность, как провоцирует на правду разговор с ребёнком или с человеком, который явно не понимает контекста достаточно, чтобы его можно было обмануть.

— Это разные вещи? — спросил он.

Вера замерла. Вопрос был простым — слишком простым, чтобы быть глупым.

— Иногда, — сказала она. — Чаще, чем хотелось бы.

Он кивнул, как будто записал это куда-то во внутренний блокнот.

— Мне нужна помощь человека, который умеет находить то, что потерялось, и говорить об этом другим людям так, чтобы они слушали. У меня пропал предмет. Если я не найду его, я не смогу вернуться домой. Я готов рассказать вам всё, что я знаю, в обмен на помощь.

Это звучало как начало плохого анекдота или начало отличного материала — Вера не могла пока решить, какого именно. Но внутренний голос, тот самый, что три года молчал под слоем усталости и батончиков на обед, вдруг зашевелился и сказал что-то вроде: а ну-ка, подожди уходить.

— Как вас зовут? — спросила она.

— У меня нет имени для этого места, — ответил он просто. — Там, откуда я родом, имена не нужны — мы узнаём друг друга иначе.

— Хорошо, тогда без имени как-то не очень удобно вас цитировать, — она усмехнулась, уже вытаскивая блокнот — профессиональный рефлекс оказался сильнее здравого смысла. — Придумаем что-нибудь.

Она ещё не знала, что имя ему уже придумали — несколько часов назад, на том же самом картофельном поле, человек в телогрейке, упомянув про недостающий шуруп в самом буквальном и самом точном смысле, какой только можно вообразить.

— Вас, кажется, уже назвали, — сказала она, вспомнив слух, долетевший утром через соседку, работавшую в полиции: мол, подкинули на поле какого-то чудака, бормочет про потерянную деталь, зовут Шурупом.

Он посмотрел на неё с искренним удивлением.

— Шуруп, — повторил он медленно, пробуя слово на вкус, как пробуют непривычную еду. — Это странно, но... это точно. У меня действительно не хватает маленькой детали. Это хорошее имя. Честное.

Вера впервые за долгое время не знала, смеяться ей или записывать за ним каждое слово. В итоге она сделала и то, и другое — и именно в этот момент, хотя сама этого ещё не поняла, её жизнь начала меняться быстрее, чем успевали ехать автобусы, равнодушно проезжавшие мимо остановки один за другим.

Глава третья. Язык без перевода

Отделение полиции номер четыре располагалось в здании, которое помнило, кажется, три смены эпохи и ни одного ремонта. Пахло хлоркой, холодным чаем и бумагой, пропустившей через себя слишком много чужих бед.

Шуруп сидел на деревянном стуле, привинченном к полу — он отметил это с интересом, как отмечал теперь каждую деталь: зачем прикручивать стул, если человек сам не собирается никуда убегать? Ответ пришёл чуть позже, когда он понял, что сидит здесь не как гость, а как подозреваемый в чём-то неопределённом — то ли в бродяжничестве, то ли в неадекватности, то ли просто в том, что имел неосторожность существовать в неподобающем месте без документов.

Напротив сидел капитан Гришин — человек с усталым лицом и той профессиональной интонацией, с которой врачи сообщают родственникам плохие новости, а полицейские — читают права.

— Документы, — сказал Гришин без особого энтузиазма, зная заранее ответ.

— У меня их нет, — ответил Шуруп. — Там, откуда я прибыл, личность подтверждается иначе.

— И как же?

Шуруп на секунду задумался, подбирая объяснение, которое прозвучало бы понятно.

— Резонансом. Когда я нахожусь рядом с другим представителем моего вида, мы... узнаём друг друга без слов. Это сложно объяснить словами вашего языка — у вас личность подтверждается бумагой, у нас — просто присутствием.

Гришин посмотрел на него долгим взглядом человека, который за двадцать лет службы слышал объяснения и получше, и похуже, но впервые — настолько спокойно и уверенно произнесённое.

— Ты бы мне что-нибудь попроще сказал, — вздохнул он. — Паспорт потерял?

— Нет. Паспорта у меня никогда не было. У меня пропал предмет, необходимый для возвращения домой.

— Куда домой?

— Я не знаю точного слова на вашем языке. Это не страна. Это дальше.

— Дальше чего?

— Дальше всего, что вы можете увидеть ночью, если смотреть прямо вверх.

В комнате стало неожиданно тихо. Молодой лейтенант за соседним столом перестал печатать протокол и уставился на Шурупа с выражением, в котором смешались скепсис и что-то вроде детского восторга, какой бывает у человека, случайно оказавшегося рядом с настоящей, невероятной глупостью — или настоящим чудом, грань между которыми, как Шуруп позже поймёт, люди проводят куда менее уверенно, чем хотели бы признать.

— Так, — сказал Гришин, потирая лоб. — Значит, инопланетянин.

— Я не знаю, подходит ли это слово. Я — тот, кто прибыл издалека и ищет способ вернуться.

— Вот именно это я и имею в виду под словом «инопланетянин», — произнёс Гришин с усталой логикой человека, который только что сам для себя закрыл дело.

Он потянулся за телефоном — очевидно, чтобы вызвать психиатрическую бригаду, — но тут в кабинет без стука ворвалась Вера, запыхавшаяся, с диктофоном наперевес, как с личным оружием.

— Он со мной, — сказала она прежде, чем кто-либо успел её остановить.

— А вы кто? — спросил Гришин, не отрывая руку от трубки.

— Журналист. — Она на секунду замялась, подбирая слово повесомее. — Из областного издания. Делаю материал о людях без документов, о социальной незащищённости и прочем. Он — часть расследования.

Это была ложь примерно на три четверти, но Вера произнесла её с той же интонацией, с какой Шуруп произносил чистую правду — твёрдо и без запинки, что окончательно убедило Гришина в том, что перед ним два человека, прекрасно понимающих друг друга и явно не нуждающихся в государственном участии в своей судьбе.

— Забирайте, — сказал он, махнув рукой с видом человека, выигравшего в лотерею право не разбираться дальше. — Только пусть документы себе какие-нибудь сделает. Хоть справку. А то в следующий раз точно к психиатру отправлю, невзирая на журналистов.

На улице, когда они оба наконец вышли на холодный воздух, Вера с облегчением выдохнула, а Шуруп, напротив, выглядел растерянным — впервые с момента их встречи.

— Вы сказали неправду, — произнёс он, глядя на неё внимательно, без осуждения, скорее с исследовательским интересом. — Расследования пока не существует. Это я знаю точно, потому что я — его единственная тема, и мы познакомились два часа назад.

— Это называется «профессиональная необходимость», — ответила Вера, слегка смутившись.

— А чем профессиональная необходимость отличается от обычной лжи?

Вопрос прозвучал не обвиняюще, а искренне — как если бы он действительно хотел понять разницу, а не упрекнуть её в чём-то.

Вера открыла рот, собираясь дать быстрый, привычный ответ — что-то вроде «ну это же для хорошего дела» — и неожиданно для себя замолчала, понимая, что хорошего, короткого объяснения у неё, по сути, нет.

— Понимаешь, — сказала она наконец, медленно подбирая слова, — иногда маленькая неправда защищает от большой беды. Я сказала не совсем правду, чтобы тебя не забрали в сумасшедший дом.

— То есть неправда может быть добрее правды? — Шуруп произнёс это не риторически — он действительно спрашивал, как спрашивают нечто важное для составления внутренней карты мира.

— Иногда, — Вера вздохнула. — Это сложно объяснить.

— Я заметил, — сказал он серьёзно, — что здесь очень многое сложно объяснить. Но очень легко сделать.

Вера невольно улыбнулась — горько и честно, впервые за долгое время признавая вслух то, что давно знала про собственную профессию.

— Да, — согласилась она. — Это, пожалуй, главная проблема моей работы.

Они пошли вдоль улицы, и где-то между полицейским участком и первой за день чашкой растворимого кофе из автомата у метро между ними возникло то, что сложно назвать дружбой с первого дня знакомства, но что определённо было чем-то большим, чем просто взаимной выгодой — молчаливое, пока ещё хрупкое соглашение: пытаться быть честными друг с другом, даже если весь остальной мир вокруг настойчиво предлагает другой вариант.

Глава четвёртая. Деньги, которых нет

К обеду выяснилось, что бесплатного обеда не существует даже для существ, прилетевших из других концов вселенной — факт, который Шуруп воспринял с философским спокойствием, но желудок его (орган, судя по всему, вполне земного образца, доставшийся телу вместе со всем остальным при переходе через портал) воспринял куда менее спокойно.

— Я хочу есть, — сказал он, останавливаясь у ларька с шаурмой с видом человека, впервые в жизни столкнувшегося с запахом, который имел над ним необъяснимую власть.

— Отличная идея, — Вера похлопала по карманам и обнаружила там ровно сто двенадцать рублей, трамвайный билет и чек из супермаркета недельной давности. — У меня, правда, не очень много денег.

— Что такое деньги? — спросил Шуруп серьёзно, разглядывая мятую купюру, которую Вера вытасила для демонстрации.

— Ну... это то, на что можно купить вещи. Еду, одежду, жильё.

— А почему эта конкретная бумага может это сделать, а другая бумага — нет? — Он взял с лотка рекламную листовку (кто-то предлагал скидку на окна ПВХ) и сравнил её с купюрой. — Они похожи по размеру. Обе из бумаги. Почему одна бесполезна, а другая даёт еду?

Вера на секунду задумалась, подбирая объяснение, которое показалось бы ей самой убедительным хотя бы наполовину.

— Потому что все договорились, что эта бумага имеет ценность. А та — нет.

— Все договорились, — медленно повторил Шуруп, как будто взвешивал эти слова на внутренних весах. — Значит, если бы все вдруг договорились иначе, то листовка про окна стала бы ценной, а эта бумага — нет?

— Теоретически да, — Вера пожала плечами. — Это называется инфляция, девальвация, ну или просто — все вдруг решили, что твои деньги больше ничего не стоят.

— Это звучит очень неустойчиво, — заметил Шуруп. — Вся ваша система еды и жилья держится на том, что много людей продолжают верить в одну и ту же бумагу?

— В общих чертах — да.

— Это похоже на религию, — сказал он с лёгким удивлением, будто сделал первое по-настоящему важное открытие за день. — Только вместо бога — купюра.

Вера фыркнула, пытаясь не засмеяться в голос, потому что продавец шаурмы, крепкий мужчина по имени Арам, уже начал поглядывать на них с подозрением — обычным взглядом человека, привыкшего, что долгие разговоры у прилавка редко заканчиваются покупкой.

— Вам чего, берёте или просто стоите? — спросил Арам.

— Одну шаурму, пожалуйста, — Вера протянула купюру. — И... — она посмотрела на Шурупа, — он со мной.

Шуруп наблюдал, как кусок мяса, лука и соуса превращается в свёрток, и как этот свёрток переходит из рук продавца в руки Веры в обмен на бумагу, которую, по её же словам, ценят только потому, что все договорились её ценить. Процесс показался ему одновременно гениальным и абсурдным — примерно как большинство человеческих изобретений, с которыми он успел познакомиться за один-единственный день.

— Спасибо, — сказал он, принимая половину шаурмы, которую Вера молча разделила с ним. — Это акт доверия, — добавил он задумчиво, разворачивая фольгу. — Вы верите, что продавец даст вам еду в обмен на символ. Продавец верит, что символ даст ему возможность купить что-то другое позже. Все верят друг другу, не видя причины для этой веры напрямую. Это удивительно, что это работает.

— Иногда не работает, — заметила Вера, вгрызаясь в свою половину. — Поэтому у нас есть банки, кредиты, инфляция, кризисы... и бесконечные новости про всё это.

— Значит, вера время от времени даёт сбой, — заключил Шуруп, — и тогда вы просто придумываете новую форму той же веры, чтобы продолжить обмен.

— В целом да.

Шуруп замолчал, пережёвывая шаурму с выражением глубокой сосредоточенности — то ли на вкусе, то ли на философском открытии. Соус капнул ему на подбородок, и он механически вытер его рукавом, не замечая, насколько по-человечески нелепо выглядит в этот момент — пришелец, проливший соус шаурмы, пытаясь осмыслить природу денежного обращения на отдельно взятой планете.

— У меня нет денег, — сказал он наконец. — Значит, я не могу участвовать в этой системе доверия. Как я тогда буду есть и спать дальше, пока не найду свой предмет?

Вера вздохнула, глядя на остатки своих ста двенадцати рублей.

— Хороший вопрос, — призналась она. — У меня тоже с этим не всё гладко последние пару месяцев.

— Может, нам стоит... договориться о новой форме веры? — предложил Шуруп неожиданно практично. — Вы верите, что я дам вам историю. Я верю, что вы поможет мне вернуть предмет и, может быть, накормите меня по пути. Это ведь похоже на обмен, о котором вы говорили?

Вера посмотрела на него — на нелепую фигуру с соусом на подбородке, рассуждающую о сути финансовых систем с полным ртом шаурмы, — и неожиданно для себя почувствовала то, чего не чувствовала на работе уже очень давно: что перед ней, кажется, действительно интересная история, и дело было уже не только в сенсации.

— Договорились, — сказала она, протягивая руку для пожатия — жеста, значение которого Шуруп не знал, но, увидев протянутую ладонь, интуитивно повторил, крепко сжав её руку, как сжимают нечто важное и редкое — то самое доверие, о котором они только что говорили, вдруг обретшее вполне материальную, тёплую форму.

Глава пятая. Вопрос о имени

Ночевать решили у Веры — не потому, что это казалось ей разумным (разум как раз категорически возражал), а потому, что все остальные варианты выглядели ещё более абсурдными: вокзал, где Шурупа точно забрали бы снова в полицию, или улица, где октябрьская ночь обещала стать для него первым земным уроком гипотермии.

Квартира у Веры была маленькой, типичной для одинокого человека, который давно смирился с тем, что книги занимают больше места, чем нужно для нормальной жизни, но выбрасывать их не намерен. На стене висела пробковая доска с остатками старых расследований — фотографии, стрелочки, вопросительные знаки, которые давно перестали вести к каким-либо ответам.

Шуруп сидел на кухне на единственном устойчивом стуле и разглядывал холодильник с тем же вниманием, с каким утром разглядывал проезжающие машины.

— Это хранилище еды, — сказал он уверенно, не как вопрос, а как итог самостоятельного исследования.

— В целом да, — Вера наливала чай, уже привычно не удивляясь тому, что он комментирует вслух буквально каждый предмет быта.

— Почему оно гудит?

— Работает мотор. Охлаждает внутри.

— Понятно. — Он помолчал. — У меня есть вопрос, который давно меня занимает.

— Задавай. — Вера села напротив с чашкой, вспоминая, что за весь день он не задал ни одного вопроса, не содержавшего в себе зерна чего-то неожиданно глубокого, спрятанного за внешней простотой.

— Моё имя. Шуруп. — Он произнёс его аккуратно, по слогам, словно взвешивая каждую букву. — Человек в поле сказал его не как имя, а как шутку о моём состоянии. Он имел в виду, что мне не хватает детали — умственной, кажется, в его понимании. Это так?

Вера неловко поёжилась — ситуация, когда приходится объяснять идиому буквальному собеседнику, оказалась куда сложнее, чем казалось в начале дня.

— Ну... да, в общем. «Не хватает шурупа» значит, что человек ведёт себя странно, нелогично. Это не оскорбление в прямом смысле, скорее... способ сказать, что кто-то не такой, как все.

— Но ведь это правда, — сказал Шуруп спокойно. — У меня действительно не хватает маленькой детали, без которой я не функционирую полноценно. Так почему слово, обозначающее правду, в вашем языке используется как насмешка?

Вера открыла рот, собираясь ответить что-то дежурное про человеческий юмор, и снова, как уже бывало за этот день, не нашла готового ответа.

— Наверное, потому что люди чаще смеются над тем, что их пугает или смущает, — сказала она медленно, формулируя мысль прямо на ходу, скорее для себя, чем для него. — Если кто-то отличается — это неудобно. Удобнее превратить непонятное в шутку, чем разбираться в нём.

— То есть смех иногда — способ не смотреть на что-то слишком внимательно?

— Иногда да, — Вера помедлила. — А иногда это просто способ справиться с тем, что слишком больно смотреть прямо.

Шуруп долго молчал, глядя в чашку с чаем, от которого он так и не сделал ни одного глотка — не из вежливости, а потому что искренне не понимал, горячая жидкость в принципе одобрена как еда или просто является частью местного ритуала.

— Я думаю, — сказал он наконец, — что это имя мне подходит. Не как шутка. Как точное описание. У меня действительно не хватает детали. Это честно. Я готов его носить.

— Большинство людей обиделись бы на такое имя, — заметила Вера с лёгкой улыбкой.

— Зачем обижаться на правду? — спросил он с неподдельным недоумением. — Разве не разумнее обижаться на ложь?

Вера рассмеялась — не насмешливо, а с тем особым облегчением, которое приходит, когда слышишь что-то одновременно нелепое и до боли логичное.

— У людей, — сказала она, — правда обижает намного чаще, чем ложь. Это одна из самых странных особенностей нашего вида.

— Я это заметил, — кивнул Шуруп серьёзно. — Сегодня, например, человек в белом галстуке на экране телевизора в кафе говорил о «абсолютной истине» целых пятнадцать минут, но, судя по лицам слушателей, никто не хотел, чтобы эта истина оказалась действительно абсолютной. Они хотели, чтобы она была удобной.

Вера замерла с чашкой на весу.

— Какой телевизор? Где ты это видел?

— В чайной, пока вы разговаривали по телефону со своим редактором. Там шла передача. Человек в белом пиджаке говорил очень убедительно. У него на шее было украшение — круглое, светящееся слабым светом. Очень похожее по форме на то, что я ищу. Хотя, возможно, это просто совпадение формы — у вас, кажется, многие вещи похожи друг на друга внешне, но означают разное.

Вера медленно опустила чашку на стол, и в её лице за секунду сменилось сразу несколько выражений — от недоверия до того особого азарта, который появляется у журналиста, почувствовавшего, что случайная деталь только что перевернула всё расследование с ног на голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.